

К. Ю. Лапко-Данилевский

«Анакреонтические песни» Г. Р. Державина (проблемы интерпретации)

Выход в 1986 году в серии «Литературные памятники» тома «Анакреонтических песен» Г. Р. Державина¹, как кажется, на долгое время поверг литературоведов в недоумение, чем и объясняется, на мой взгляд, отсутствие каких-либо рецензий на это издание (мне, во всяком случае, на данный момент не известна ни одна). Тридцать лет спустя, не вступая в полемику с теми, кто готовил текст книги и был ответственен за ее литературоведческую часть, хотелось бы все же поставить три вопроса, касающихся того, что следует понимать под корпусом «Анакреонтических песен», и того, какие подходы должны быть избраны при их осмыслении как художественного целого, как книги лирики:

1. Можно ли все стихотворения, составившие сборник «Анакреонтические песни» Г. Р. Державина (1804), зачислить в состав анакреонтической поэзии?

2. Какова была авторская интенция, какой смысл вкладывал Державин в название «Анакреонтические песни»?

3. Правомерно ли рассматривать третью часть «Сочинений» Г. Р. Державина (1808) как расширенную версию «Анакреонтических песен» (1804) и, следовательно, как их канонический текст?²

Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, думаю, необходимо уточнить термин *русская анакреонтическая поэзия* (*русская анакреонтика*). Под ней, как это обычно и де-

лается, следует понимать довольно обширный массив стихотворных текстов, в которых воспеваются радости жизни и ее чувственные наслаждения и которые в немалой своей части являются переводами из Анакреонта или из античной анакреонтики. К русской анакреонтической поэзии, помимо переводных, принадлежат также оригинальные русские стихотворения, варьирующие мотивы Анакреонта и эллинистических ему подражаний³. Как видим, аспект содержательный играет главную роль при определении того, принадлежит ли то или иное стихотворение к анакреонтической поэзии. В то же время тот или иной мотив при отсутствии эксплицитных отсылок к античному анакреонтическому корпусу не всегда может служить достаточно четким критерием для зачисления того или иного стихотворения в разряд русской анакреонтики, а граница, отделяющая сию последнюю от поэзии легкой, любовной, застольной и т. д., оказывается порой достаточно зыбкой. О формальных критериях принадлежности к анакреонтической поэзии речь вести не может — ни о предпочтительности каких-либо метров или клаузул, ни об обязательной строфичности или астрофичности, зарифмованности или безрифменности.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, все ли стихотворения, составившие «Анакреонтические песни» Г. Р. Державина (1804), являются произведениями анакреонтической поэзии, достаточно пристальнее взглянуть на состав этой книги. Как известно, сам автор был ею недоволен; обширный список опечаток на ее последних страницах — одно из свидетельств тому.

В «Анакреонтических песнях» последнее стихотворение «Венец бессмертия» помещено под номером ХCV. Но как уже неоднократно отмечалось предшественниками, после анакреонтической песни LVII («Арфа») и в основном тексте, и в содержании следует песня LIX («Цепи»), т. е. песня

LVIII («На разлуку»), как можно заключить по другим источникам, выпала из книги, и в действительности книга насчитывает 94 стихотворения. Что же они из себя представляют? Насколько соответствуют сформулированному выше понятию анакреонтической поэзии?

Даже поверхностного взгляда довольно для того, чтобы на поставленный вопрос ответить отрицательно.

Во-первых, в число «Анакреонтических песен» вошли переводы. Это переводы двух од Сапфо (песни LXI и LXXXII), но есть и заимствование из новейшей немецкой поэзии — стихотворение «Нине» (песнь LXXX), которое определено автором как «подражательный отрывок 29-й оды Клопштока». Как указал еще Грот, здесь имеет место ошибка памяти: у Клопштока источник этого стихотворения не находится. Для нас же важно другое — а именно то, что это более или менее вольный перевод какого-то немецкого стихотворения XVIII столетия.

Во-вторых, в «Анакреонтических песнях» 1804 года немало стихотворений, созданных задолго до возникновения замысла этой книги, подверстанных сюда задним числом. Некоторые из них Державин ранее даже никогда не печатал. Это две застольные песни («Пикники», 1776; «Разные вина», 1782) и три любовных стихотворения («Объявление любви», 1770; «Пламиде», 1770; «Всемиле», 1770). Все эти стихотворения, за исключением одного («Разные вина», 1782), написаны четырехстопным рифмованным ямбом с чередованием женских клаузул с мужскими и разбиты на четверостишия, т. е. формально вполне соответствуют ломоносовскому канону анакреонтической оды. При этом тематика их не имеет ничего ярко выражено анакреонтического. То же можно сказать и о тематике «Разных вин» (1782); в этом стихотворении обращает на себя внимание более сложная

строфика (каждое из шестистиший замыкает парно зарифмованный рефрен-двустиишие).

В «Анакреонтические песни» Державин включил два стихотворения, давно к тому моменту уже опубликованные и пользовавшиеся широкой известностью, но вряд ли создававшиеся им изначально именно как анакреонтические. Это «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779) и «Кружка» (1777; опубл. в 1780). В первом случае, думается, основанием для этого стали метр (рифмованный четырехстопный хорей) и общий оптимистический тон, во втором — застольная тематика (опять же отметим метрическую и строфическую усложненность «Кружки», противоречившую требованиям к анакреонтическим одам). Все же, строго говоря, нет никаких оснований зачислять эти стихотворения в состав анакреонтической поэзии.

Очевидно, что «Анакреонтические песни» отнюдь не являются собранием анакреонтической лирики.

Предисловие к книге лишь до определенной степени способно прояснить авторскую интенцию. В первых его строках Державин зачисляет свою книгу в разряд «переводов и подражаний» древним: («Многие подражали и переводили древних. Не знаю, успел ли я в том сим опытом»); далее поэт подчеркивает сугубо частный, домашний характер этих своих произведений и то, что многие из них писались много лет назад («Для забавы в молодости, в праздное время, и, наконец, в угождение моим домашним писал я сии песни»). Дальнейшие замечания (о желании показать изобилие родного языка, о популярности этого рода его произведений, ставших известными в неисправных списках, о резонах, побуждающих вводить в стихи имена славянских божеств, и др.) и липограмматическое признание о том, что в ряде стихотворений автор избегал звука «р», также не способны

пролить свет на то, какой смысл автор вкладывал в понятие «Анакреонтические песни». Следовательно, лишь анализ самой книги и составивших ее произведений может помочь в прояснении данного вопроса, но сначала имеет смысл заглянуть в поэтологический трактат Державина.

В первых трех частях «Рассуждения о лирической поэзии, или Об оде» (1811–1814) содержится несколько кратких разрозненных суждений об анакреонтической поэзии и ее авторе. Так, Державин цитирует свои переводы анакреонтических од как образцы «забавного слога» и изящества, видит «единство» «почти во всех одах» Анакреонта, указывает на наличие спорадических рифм в его стихах (II, 533, 540, 574, 594, 623). И только в последней, четвертой части «Рассуждения о лирической поэзии» (1815) находим следующий, ключевой пассаж, позволяющий понять общий ход державинской мысли об анакреонтике и ее отношении к различным одическим родам: «Например, оставя духовные неприкосновенными, для чего бы не назвать героической, или похвальной оды — *пиндарической*? философической, или размыслительной — *горацианскою*? страстной, или пламенно-любовной — *сафической*? роскошной или веселошутливой — *анакреонтической*? меланхолической или военнотыльной — *оссиянскою*? — применяясь к почерку, или вкусу их, как выше они написаны»⁴.

Чуть выше в трактате говорится о «сильном и быстропобегающем пламени: оно, как молния, пробегая сердце, поражает и мертвит», по нему узнают «несчастнолюбленную, нежную Сафу», а также о «чувственном удовольствии, неге и забавам», по которым узнают сладостного Анакреонта⁵. Таким образом, напрашивается вывод о том, что тематика и слог оказываются для Державина наиболее важными при выделении лирических жанров. И это отнюдь не препят-

ствуует поэту в 1804 году объединить в «Анакреонтических песнях» переводы из Сапфо и Анакреонта (точнее, стихов, приписывавшихся в то время античному лирику)!

Объяснить этот парадокс, на мой взгляд, можно лишь приняв во внимание следующие два обстоятельства.

Во-первых, в 1804 году Державин еще не выработал сколько бы то ни было четкого взгляда на принципы жанровых дефиниций, как это было позднее, в пору работы над «Рассуждением о лирической поэзии, или Об оде». В любом случае общая тенденция работы мысли была в сторону большей дробности, большего внимания к характерным тематическим и стилистическим особенностям различных жанров.

Во-вторых, «Анакреонтические песни» — это именно название книги лирики, а не сборника произведений одного жанра, это единый знаменатель, долженствующий представить читателю то общее, что делает книгу художественно единой. Исходя из этого, «Анакреонтические песни» — это собрание стихотворений, призванных выразить взгляд на жизнь, наиболее полно запечатленный в стихах Анакреонта, а поэтому ориентированных на их поэтику и тематику (чувственные радости жизни), но не ограничивающихся ими. Лишь подобная концепция позволяла объединить под одним переплетом с традиционной анакреонтикой и переводы из других авторов (античных и не только), и столь яркие оригинальные произведения, как «На рождение в Севере порфиородного отрока» или же стихотворение «Сафе», посвященное горестным переживаниям, вызванным смертью первой жены поэта.

Все же, признаем, данная авторская концепция достаточно зыбка и своенравна, она зиждется в первую очередь на манифестации авторской воли, по-державински царственно объединяющей в книге достаточно разнородный материал. И само название, и предисловие играют при этом главен-

ствующую роль. Это соображение подводит нас к вопросу о «включении» «Анакреонтических песен» в третью часть «Сочинений» Г. Р. Державина (1808). При этом расположение стихотворений в процессе этого включения было несколько изменено, число их возросло, а само название «Анакреонтические песни», как и имевшееся в издании 1804 года предисловие, бесследно исчезли. Среди прибавлений, к примеру, еще один вариант переложения уже ранее переведенной оды Сапфо, ранние стихотворения «Пени» (1772) и «Невесте» (1778)⁶, а также кантаты «Соломон и Суламита» (1808; составлена из переложений «Песни песней») и «Обитель Добрады» (1808), а также и другие произведения, весьма далекие от анакреонтического рода.

Напомню, что сердцевиной тома «Литературных памятников» (1986) составил сборник 1804 года (его структура повторена с незначительными дополнениями)⁷; к этому центральному корпусу поэтических текстов прибавлены «Стихотворения, позднее присоединенные к „Анакреонтическим песням“». Этот раздел составлен из произведений, почерпнутых в основном из третьей части «Сочинений» Г. Р. Державина (1808), но не только. Здесь находим следующие четыре стихотворения — «Оковы», «Аспазии», «Незабудочка» и «Синичка»; все они были написаны после 1808 года, а два из них были опубликованы посмертно в «Объяснениях на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Е. Н. Львовой, в 1809 году» (1834). Возникает правомерный вопрос: кем же эти стихотворения были «позднее присоединены к „Анакреонтическим песням“»? Явно не автором!

Все это еще более утверждает в мысли, что третья часть «Сочинений» Г. Р. Державина (1808) не может пониматься как расширенная версия «Анакреонтических песен» (имен-

но такова концепция, положенная в основу тома «Литературных памятников» 1986 г.), а «доукомплектовка» этого сборника лирики, ставшего важной вехой творческого пути поэта, — дело рискованное и сомнительное. В то же время к массиву анакреонтической поэзии Державина относятся отнюдь не все стихотворения, включенные автором в «Анакреонтические песни» (1804); неоспорим и тот факт, что в этой книге поэтом была собрана отнюдь не вся его анакреонтика. Комплексное обследование этого жанра в творчестве Державина — увлекательная научная задача, которую, на мой взгляд, еще предстоит решить.

Примечания

- ¹ Державин Г. Р. Анакреонтические песни / изд. подг. Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова; отв. ред. Г. П. Макогоненко. М., 1986.
- ² Напомню, что такой точки зрения придерживаются Г. П. Макогоненко и Г. Н. Ионин. Именно третью часть «Сочинений» Г. Р. Державина (1808) они воспроизвели в качестве текста «Анакреонтических песен» в серии «Литературные памятники», разделив его на два основных раздела: «Анакреонтические песни» и «Стихотворения, позднее присоединенные к „Анакреонтическим песням“».
- ³ Ср. также достаточно емкую характеристику, данную младшим современником Державина: «АНАКРЕОНТИЧЕСКИЙ. Слово, означающее, что сочинение написано во вкусе и слогом Греческого поэта Анакреона. Краткость, приятность и некоторая небрежность суть правила Анакреонтической поэзии; а содержанием ее должны быть любовь и веселость, иногда и нравоучение, но прикрываемое любовью или веселостию» (*Остолопов Н. Ф.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 1. С. 23).
- ⁴ Цит. по: *Западов В. А.* Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 305.
- ⁵ Там же. С. 304.
- ⁶ Первое из них представляет послание от лица некой дамы к оставившему ее возлюбленному, а второе написано на сговор Державина с первой его женой.
- ⁷ Восстановление в составе «Анакреонтических песен» стихотворения LVIII «На разлуку» несогласия не вызывает.